

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Рассмотрено
Научно-методическим советом
ГУ Луганской Народной Республики
«Научно-методический центр
развития образования
Луганской Народной Республики»
(протокол №2 от 09.03.2017)

Утверждено
Министерством образования и науки
Луганской Народной Республики
(приказ №132 от 20.03.2017)

Государственная итоговая аттестация
по русскому языку
IX класс

СБОРНИК ДИКТАНТОВ

Составитель:
Вылиток С.В. – методист Государственного учреждения Луганской
Народной Республики «Научно-методического центра развития образования
Луганской Народной Республики»

ЛУГАНСК
2017

Пояснительная записка

Сборник диктантов предназначен для проверки орфографической и пунктуационной грамотности по русскому языку учащихся IX классов образовательных учреждений Луганской Народной Республики с русским языком обучения на государственной итоговой аттестации.

Диктанты подобраны с учетом требований учебной программы. Они представляют собой связные тексты, взятые из произведений художественной, публицистической литературы, научно-популярных статей, которые по содержанию доступны для выпускников IX классов.

Тексты диктантов

1. Ночью

Ночь была темной. Луна хотя и взошла, однако же ее скрывали густые облака, покрывавшие горизонт. Совершенная тишина царствовала в воздухе. Ни малейший ветерок не рябил гладкую поверхность заснувшей реки, быстро и молча катившей свои воды к морю. Кое-где только слышался легкий плеск у крутого берега от отделившегося и упавшего в воду комка земли. Иногда утка пролетала над нами, и мы слышали тихий, но резкий свист ее крыльев. Порой сом всплывал на поверхность воды, высовывал на мгновение свою безобразную голову и, хлестнув по струям хвостом, опускался в глубину. Опять все тихо.

Вдруг раздается глухой, протяжный рев и долго не проходит, как будто застывая в безмолвной ночи. Это олень бродит далеко-далеко и зовет самку. Сердце трепещет от этого звука у охотника, и перед глазами его ясно рисуется гордый рогаль, тихо пробирающийся по камышу.

Лодка между тем незаметно скользит, подвигаемая осторожными ударами весел. Высокая неподвижная фигура Степана неясно вырисовывается на горизонте. Белое длинное весло его двигается неслышно взад и вперед и только изредка переносится с одной стороны лодки на другую.(167 слов)

(По И. Бильфельду)

2. Ночь в лесу

Деревня была где-то за лесом. Если идти в нее по большой дороге, нужно отмахать не один десяток километров; если пойти лесными тропинками, путь урежется вдвое. Толстые корни обхватили извилистую тропу. Лес шумит, успокаивает. В стылом воздухе кружатся жухлые листья. Тропинка, петляя среди деревьев, поднимается на пригорки, спускается в ложбинки, забираясь в чащобу осинника, выбегает на зарастающие ельником поляны, и кажется, что она так и не выведет тебя никуда.

Но вот вместе с листьями начинают кружиться снежинки. Их становится больше и больше, и в снежном хороводе не видно уже ничего: ни падающих листьев, ни тропы.

Осенний день как свеча: тлеет-тлеет тусклым огнем и угаснет. На лес наваливаются сумерки, и дороги совсем не видно; не знаешь, куда идти.

Жутко и страшно в темноте, а Марина совсем одна. Идти дальше рискованно: осенью северные леса страшны волками. Марина забирается на дерево и решает переждать длинную ночь в лесу.

Мокрый снег напоил влагой пальто. Холодно, и ноют обмороженные ноги. Наконец в промозглом рассвете неожиданно закричали петухи. Деревня, оказывается, была совсем рядом. (168 слов)

(По Л. Фролову)

3. Человек и природа

Человек обедняет свою духовную жизнь, если он высокомерно смотрит сверху вниз на все живое и неживое, не наделенное его, человеческим, разумом. Ведь жизнь людей, какой бы сложной она ни была, как бы далеко ни простиралась наша власть над окружающим миром, – всего лишь частица жизни природы. Ведь то, что мы о ней знаем сегодня, так мало по сравнению с тем таинственным, удивительным и прекрасным, что нам предстоит еще о ней узнать. Может быть, узнать именно сегодня, когда человеку важно связать в своем сознании новейшие данные об элементарных частицах, о «белых карликах» и «черных дырах» Вселенной с белоснежностью ромашек на лесных полянах, с роскошными, пульсирующими созвездиями над головой, где-нибудь посреди бескрайней степи.

Нам по-прежнему интересны повадки зверей и птиц – диковинных заморских и наших, знакомых с детства. Нам интересно многое: почему такой дремучий зверь, как медведь, легко поддается дрессировке; не угрожает ли серому волку занесение в Красную книгу (туда ученые заносят животных, которым грозит исчезновение с лица планеты); как быстро растут кристаллы горного хрусталя и почему считается целебным лист обыкновенного подорожника. (169 слов)

(По И. Акимовскому)

4. В июле

Все, что было кругом, не располагало к обыкновенным мыслям. Направо темнели холмы, которые, казалось, заслоняли собой что-то неведомое и страшное, налево все небо над горизонтом было залито багровым заревом, и трудно было понять, был ли то где-нибудь пожар или же собиралась восходить луна. Даль была видна, как и днем, но уж ее нежная

лиловая окраска, затушеванная вечерней мглой, пропала, и вся степь пряталась во мгле...

В июльские вечера и ночи уже не кричат перепела и коростели, не поют в лесных балочках соловьи, не пахнет цветами, но степь все еще прекрасна и полна жизни. Едва зайдет солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, все прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью. Однообразная трескотня убаюкивает, как колыбельная песня, едешь и чувствуешь, что засыпаешь, но вот откуда-то доносится отрывистый, тревожный крик неуснувшей птицы или раздается неопределенный звук, похожий на чей-то голос, и дремота опускает веки... Пахнет сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами, но запах густ, сладко-приторен и нежен.

Сквозь мглу видно все, но трудно разобрать цвет и очертания предметов. (168 слов)

(А. Чехов)

5.

Теплый безветренный день угас. Только далеко на горизонте, в том месте, где зашло солнце, небо еще рдело багровыми полосами, точно оно было вымазано широкими ударами огромной кисти, омоченной в кровь.

На этом странном и грозном фоне зубчатая стена хвойного бора отчетливо рисовалась грубым, темным силуэтом, а кое-где торчавшие над ней прозрачные круглые верхушки голых берез, казалось, были нарисованы на небе легкими штрихами нежной зеленоватой туши. Чуть-чуть выше розовый отблеск гаснущего заката незаметно для глаз переходил в слабый оттенок выцветшей бирюзы...

Воздух уже потемнел, и в нем выделялся ствол каждого дерева, каждая веточка, с той мягкой и приятной ясностью, которую можно наблюдать только ранней весной, по вечерам.

Слышалось иногда, как густым басом гудит, пролетая где-то очень близко, невидимый жук и как он, сухо шлепнувшись о какое-то препятствие, сразу замолкает.

Кое-где сквозь чащу деревьев мелькали серебряные нити лесных ручейков и болотец. Лягушки заливались в них своим торопливым, оглушительным криком; жабы вторили им более редким, мелодическим уханьем. Иногда над головой пролетала с пугливым кряканьем утка да слышно было, как с громким и коротким блеянием перелетает с места на место бекас-баранчик. (177 слов)

(По А. Куприну)

6.

Профессор жил в комнате, где властвовали и враждовали, как два противоположных начала, книги и картины.

Книгам удалось захватить все пространство комнаты: гигантские шкафы высились по стенам, как книжные крепости; стол, втиснутый между стенами, был полонен книгами; они захватили и кресла, и маленький шахматный столик, где лежали аккуратно связанными стопками. Они владели и воздухом комнаты, наполняя его особым запахом бумаги и старинных переплетов; книги насыщали воздух, делая его пыльным и душным.

Картины словно хотели раздвинуть комнату и растворить стену, на которой висели, в тихих, спокойных пейзажах. Они наполняли пространство свежим воздухом рощ и мягким, просеянным сквозь облачную дымку солнечным светом. И если в комнату не проникали шорохи листьев и шепот трав, то лишь потому, что на всех картинах царила тишина. Только ее да мечтательную задумчивость природы изображал на своих полотнах художник.

Вечерами с улицы в комнату проникал свет фонарей, и она, казалось, наполнялась рыхлым серым веществом. В тех местах, где стояли книжные шкафы, вещество сгущалось до совершенно черного цвета. (158 слов)

(По А. Казанцеву)

7.

Сквозь чащу черёмухи пробираемся к берегу. Конец июня, а она только-только оделась по-весеннему. Запоздалым сиреневым цветом горит багульник, а берёзка, не поверив лету, стоит голая.

Тайга, увидев простор Байкала, катится к нему по сопкам ярусами зелени и у самой воды замирает. Пощупав корнями воду, лиственницы, березы и сосны раздумали купаться, остановились, а тайга напирает сзади, остановиться не может. Оттого на берегу лежат поваленные деревья-великаны, загородив дорогу к озеру.

Удивительно видеть здесь апрель и июнь сразу. За спиной запахи лета, а на Байкале – точь-в-точь Волга в разливе. То же безбрежное водное пространство, те же льдины стадами.

Байкал вскрывается поздно, и до конца мая носятся по воде ледяные стада. В июне они пристают к берегу и тут, у валуна, медленно оседают, неожиданным шорохом пугая зверей у водополя.

Чистая, как слеза, вода Байкала не терпит мусора, и в штормовую погоду он швыряет на берег обломки лодок, коряги. Ни соринки в воде!

Дальние синие сопки сливаются с закатными полосами, и их медленно заволакивает вечерняя дымка. (165 слов.)

8. Перевал

Ночь давно, а я всё ещё бреду по горам к перевалу, бреду под ветром, среди холодного тумана, и безнадежно, но покорно идёт за мной в поводу мокрая, усталая лошадь, звякая пустыми стремянами.

В сумерки, отдыхая у подножия сосновых лесов, за которыми начинается этот голый, пустынный подъём, я смотрел в необъятную глубину подо мною с тем особым чувством гордости и силы, с которым всегда смотришь с большой высоты.

Ещё можно было различить огоньки в темнеющей долине далеко внизу, на побережье тесного залива, который всё расширялся и обнимал полнеба.

Но в горах уже наступила ночь. Темнело быстро, я шёл, приближаясь к лесам, – и горы вырастали всё мрачней и величавее, а в пролёты между их отрогами с бурной стремительностью валился косыми, длинными облаками густой туман, гонимый бурей сверху. Он срывался с плоскогорья, которое окутывал гигантской рыхлой грядой, и своим падением как бы увеличивал хмурую глубину пропастей между горами. Он уже задымил лес, надвигаясь на меня вместе с глухим, глубоким и нелюдимым гулом сосен. Повеяло зимней свежестью, понесло снегом и ветром. (167 слов)

(По И. Бунину)

9. Шорох листопада

Часто осенью я пристально следил за падающими листьями, чтобы поймать ту незаметную долю секунды, когда лист отделяется от ветки и начинает падать на землю. Я читал в старых книгах о том, как шуршат падающие листья, но я никогда не слышал этого звука. Если листья и шуршали, то только на земле, под ногами человека. Шорох листьев в воздухе казался мне таким же неправдоподобным, как рассказы о том, что весной слышно, как прорастает трава.

Я был, конечно, неправ. Нужно было время, чтобы слух, оступивший от скрежета городских улиц, мог отдохнуть и уловить очень чистые и точные звуки осенней земли.

Бывают осенние ночи, оглохшие и немые, когда безветрие стоит над черным лесистым краем и только колотушка сторожа доносится с деревенской околицы.

Была такая ночь. Фонарь освещал колодец, старый клен под забором и растрепанный ветром куст настурции на пожелтевшей клумбе.

Я посмотрел на клен и увидел, как осторожно и медленно отделился от ветки красный лист, вздрогнул, на одно мгновение остановился в воздухе и косо начал падать к моим ногам, чуть шелестя и качаясь. Впервые я услышал шелест падающего листа – неясный звук, похожий на детский шепот. (180 слов)

10. Утро

Косые лучи утреннего солнца будили меня рано. Я живо одевался, брал полотенце, книгу и шел купаться к реке в тени березняка, который располагался в полуверсте от дома. Там я ложился на траву и читал, изредка взглядывая на серебряную поверхность реки. А иногда забирался в яблоневый сад, в середину густого малинника. Над головой – яркое горячее небо, а кругом – колючая зелень кустов малины, перемешанных с сорною травой. Темно-зеленая крапива с цветущей макушкой стройно тянется вверх. Разлапистый репейник с неестественно лиловыми цветками грубо растет выше малины и кое-где вместе с крапивою достает до развесистых ветвей старых яблонь. Внизу игловатая травка и молодой лопух, увлажненные росой, сочно зеленеют в вечной тени, как будто и не знают о том, как на листьях яблони ярко играет солнце.

В чаще этой всегда сыро, пахнет паутиной, недозрелыми яблоками, малиной. Продвигаясь вперед, спугиваешь воробьев, которые живут в этой глуши, слышишь их торопливое чириканье и удары маленьких крыльев. Вот послышалось пчелиное жужжание и шаги старенького садовника Акима. Ноги мои насквозь мокры, руки обожжены крапивою, голову начинают печь прямые лучи солнца, есть давно хочется. В одиннадцатом часу я обыкновенно приходил домой. (182 слова)

(По Л.Н. Толстому)

11. Утро в лесу

Хорошо идти по земле ранним утром! Воздух, еще не ставший знойным, приятно освежает гортань и грудь. Солнце, еще не вошедшее в силу, греет бережно и ласково. Под косыми лучами утреннего света все кажется рельефнее, выпуклее, ярче: и мостик через канаву, и кусты, и деревья, особенно верхушки, румяные и яркие.

В лесу то и дело попадаются болотца, черные и глянцевого. Зеленее кажется трава, растущая возле них. Иногда из глубины леса прибегает ручеек, пересекающий дорогу. В одном месте к нашим ногам выполз из лесного мрака поток мха, сочный, пышный, нестерпимо яркий. В середине его почти неестественной зелени струился коричневый ручеек. Коричневая вода этих мест несколько не мутна. Она прозрачна, если зачерпнешь ее стаканом, но сохраняет при этом золотистый оттенок. Из ручейка, текущего в мягком и пышном зеленом ложе, мы черпали воду горстями.

На лесной дороге, расходясь веером, лежали тени от сосен. Лес был нестарый, чистый, без подлесника. В сторонке от дороги вдруг попала сколоченная из планок широченная скамья без спинки. Она вся была изрезана именами людей, пожелавших увековечить себя подобным образом. Вскоре ворота дома отдыха, окрашенные белой масляной краской, объяснили присутствие деревянной скамьи в лесу. (180 слов)

(По повести В. Солоухина «Владимирские проселки»)

12. Гроза

Одиннадцатый час на исходе. По-прежнему тяжело дышит июльский полдень. Сонно колышется над песчаной дорогой воздух, придорожные желтые травы никнут, стелются от зноя. Дремлет и томится без влаги зелень рощ и пашен. Что-то невнятно лепечет в полудремоте кузнечик.

Ни человек, ни птица, ни мелкая травяная тварь – никто уже ничуть не борется с истомой, все сдались, кажется, ее непреодолимой силе. Не хочется ни о чем думать. Что бы такое предпринять, чтобы освежиться? В лугах ни ветерка, ни росинки. В лесу так же душно, как и в открытом поле. Идти купаться в ближайшую речонку сил не хватает, да, пожалуй, еще больше разомлеешь на солнышке после купанья.

Вследствие жары все замирает. Одна надежда на грозу. Она одна разбудит природу, одна развеет сон. Вдруг слышишь: что-то грохочет вдали. Это строятся полки грозных туч, они быстро облегают все небо. Наступает зловещая тишина. Но вот откуда ни возмись в мертвую глушь врывается резкий порыв ветра. Он гонит перед собой столб пыли, рвет и мечет древесную листву.

Блеснула молния, разрывая облака. Вот-вот разразится трескучий гром, на обожженные поля опрокинется небесные озера. Куда бы скрыться от этого жестокого, но желанного ливня? Друзья, спрячьтесь под этот навес. Ливень скоро прекратится. (190 слов)

13. Море

Море гудело грозно, выделяясь из всех шумов в этой тревожной и сонной ночи. Чувствовалось, что в этом безлюдном месте властно царит теперь ночь поздней осени, и старый большой сад, забитый на зиму дом и раскрытые беседки по углам ограды были жутки своей заброшенностью. Одно море гудело ровно, победно и, казалось, все величавее в сознании своей силы. Влажный ветер валил с ног на обрыве, и мы долго не в состоянии были насытиться его мягкой, до глубины души проникающей свежестью. Потом, скользя по мокрым глинистым тропинкам и остаткам деревянных лестниц, мы стали спускаться вниз, к сверкающему пеной прибою. Высились и гудели черные тополя, а под ними, как бы в ответ им, жадным и бешеным прибоем играло море. Высокие, долетающие до нас волны с грохотом пушечных выстрелов рушились на берег, кружились и сверкали целыми водопадами снежной пены, рыли песок и камни и, убегая назад, увлекали спутанные водоросли, ил и гравий, который гремел и скрежетал в их влажном шуме. Весь воздух был полон тонкой, прохладной пылью, и все вокруг дышало вольною свежестью моря. Темнота бледнела, и море уже ясно видно было на далекое пространство. (180 слов)

(По И.А. Бунину)

14. По реке

В начале летних каникул мы с товарищем задумали совершить небольшое путешествие по реке в резиновой лодке. Никому ничего не сказав, мы быстро собрались в путь и к ночи были на берегу реки. Ночная тишина, прерываемая каким-то резким птичьим криком, влажный пронизывающий воздух – всё это нехорошо воздействовало на нас.

В течение нескольких минут мы колебались, но потом решительно вошли в лодку, отпихнулись от берега, и лодка поплыла по течению. Сначала было жутко ехать незнакомой рекой, но постепенно мы освоились и уже смело смотрели вперёд.

Ранним утром мы надеялись быть в незнакомой деревеньке. Мы плыли медленно по течению реки, почти не работая вёслами. Вот из-за туч показалась луна, озарившая своим загадочным блеском все окрестности. Где-то защёлкал соловей, за ним другой. Казалось, весь воздух пронизан чарующими звуками. Мы восхищались соловьиным пением и красотой ночи и совсем забыли о лодке. Вдруг она, натолкнувшись на что-то, опрокинулась, и мы очутились по пояс в воде. Собрав свои вещи, плававшие по реке, мы выбрались на берег, вытащили злополучную лодку, разожгли костёр и до утра обогривались, сушились и обсуждали ночное приключение. (174 слова)

15. Певец родной природы

Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в её жизнь и воспел её, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю Михаила Пришвина.

Неизвестно, что сделал бы в своей жизни Пришвин, если бы он остался агрономом (это была его первая профессия). Во всяком случае, он вряд ли открыл бы миллионам людей русскую природу как мир тончайшей и светлой поэзии. На это у него просто не хватило бы времени.

Если внимательно прочесть всё написанное Пришвиным, то остаётся убеждение: он не успел рассказать нам и сотой доли того, что превосходно видел и знал.

О Пришвине писать трудно. Сказанное им нужно выписывать в заветные тетрадки, перечитывать, открывая всё новые ценности в каждой строке, уходя в его книги, как мы уходим по едва заветным тропинкам в дремучий лес с его разговором ключей и благоуханием трав, погружаясь в разнообразные мысли и состояния, свойственные этому чистому разумом и сердцем человеку.

Книги Пришвина – это «бесконечная радость постоянных открытий». Несколько раз я слышал от людей, только что отложивших прочитанную пришвинскую книгу, одни и те же слова: «Это настоящее колдовство». (183 слова)

16.

Первая встреча Пушкина с Николаем I произошла в Москве, куда царь вызвал поэта из Михайловской ссылки. Это было через два месяца после расправы над декабристами, многие из которых были друзьями поэта. Пушкин знал, что в делах почти всех осужденных декабристов находили его вольнолюбивые стихи, что стихи эти были широко распространены в армии и что сам он у царя на подозрении. Когда Николай не добился от арестованных показаний о прямой связи с ними поэта, он приказал сжечь его «возмутительные» стихи.

Еще в Михайловском Пушкин тщательно пересматривает свои бумаги и уничтожает наиболее опасные страницы драгоценных записок о выдающихся современниках, которые он вел в продолжение пяти лет. Поэт боялся, что записи его могут многим повредить, а может, и умножить число жертв.

Царь спросил Пушкина, переменился ли за годы ссылки его образ мыслей и дает ли он слово думать и действовать иначе. Поэт не мог, однако, сделаться другим и по-прежнему вел себя свободно и независимо. Об этом говорит хотя бы стихотворение «Арион», в котором Пушкин провозглашает свою верность друзьям-декабристам: «Я гимны прежние пою...» (169 слов)

(Из книги А. Гессена «Набережная Мойки, 12»)

17.

Всю дорогу до Царского Села архитектор Василий Стасов был погружен в свои мысли. Изредка бросал он рассеянный взгляд на покрытую снегом равнину, по которой пролегла дорога, соединяющая столицу с Царским Селом, и думал о своем.

Ему – молодому зодчему, немало построившему в Москве, – дано поручение составить проект переделки флигеля, в котором решено было открыть новое учебное заведение – Лицей.

Стасову припомнились слухи, что ходили в петербургском обществе. Одни говорили, что император задумал воспитывать своих младших братьев – Николая и Михаила – вместе с отпрысками знатнейших фамилий. Другие полагали, что царю, не имеющему своих детей, захотелось видеть вблизи себя молодежь. Третьи считали, что это злостные затеи Сперанского, который втерся в доверие к государю и подбивает его на опасные и вредные реформы. Но что бы ни толковали в столичном обществе, в начале 1811 года был опубликован указ об основании Лицея, и вот ему, зодчему Стасову, предложено немедленно осмотреть здание, в котором будет находиться Лицей, и решить, как наилучшим образом приспособить его для нужд будущего учебного заведения. (160 слов)

(Из книги М. Басиной «В садах Лицея»)

18.

Хотя воспитанники съехались, занятия в Лицее не начались. Все готовились к 19 октября – дню, когда будет торжественно открыт Лицей.

Приехал граф Разумовский – министр просвещения. Все осмотрел и приказал провести в его присутствии репетицию предстоящего торжества. Ему поставили кресло. Он сел, сумрачно наблюдая, как ввели воспитанников в парадных мундирах, построили, вызывая их по списку, обучали кланяться почтительно и изящно тому месту, где будет сидеть царь.

Зал, где проходила репетиция, был небольшой, но красивый. Светлый, с четырьмя колоннами, поддерживающими потолок, со стенами, которые были окрашены под розовый мрамор, блестящим паркетом, зеркалами во всю стену. Именно здесь предполагалось впоследствии устраивать публичные экзамены и другие торжества. Зодчему, который переделывал здание, приспособив его к нуждам учебного заведения, приказано было сделать так, чтобы помещение это имело парадный вид. Стены зала были искусно расписаны. Воинские доспехи, знамена, сцены из античных времен казались не нарисованными, а вылепленными, выпуклыми. Роспись украшала и потолок, и четыре арки, через которые входили в актовый зал. Мебели в зале не полагалось, потому что воспитанники должны были здесь заниматься фехтованием, а по вечерам – играть. (170 слов)

(По М. Басиной)

19.

Если вам приходится нелегко, если печаль овладела вашим сердцем, отправляйтесь туда, где у реки, на холме, стоит храм Покрова на Нерли. Вглядитесь в благородные пропорции белого храма, отражающегося свыше восьми веков в водах, и вы увидите, как естественно вписано строение в окружающий пейзаж.

Заблуждается тот, кто, увидев храм один раз, считает, что знает его. Эту поэму из камня надо перечитывать многократно, чтобы понять, в чем прелесть этого необыкновенного сооружения.

Трудно сказать, когда лучше любоваться им. Весной, когда Клязьма и Нерль разливаются, впитывая в себя ручьи, бегущие из лесов, озер, и вода затопляет луга. В темных, напоминающих густо настоящий чай волнах отражаются березы, ивы и похожие на богатырей-великанов дубы, что старше берез и, наверное, помнят, как владимирскую землю топтали татарские кони и как стояли здесь повозки кочевников. На рассвете, когда над лесами играют солнечные лучи и от всплесков светотени древние стены словно колеблются, светлея час от часу. Покров надо видеть и в дождь, когда огромная туча словно останавливается, чтобы полюбоваться храмом.

Храм в том виде, как мы его знаем, – лирическая поэма, обращенная к внутреннему миру человека. (175 слов)

(По Е. Осетрову)

20.

В природе все прекрасно: и плывущие по небу облака, и березка, шепчущаяся с травой, и суровая северная ель, и лишайник, который карабкается вверх по склону каменистого откоса. Но что может по прелести и очарованию сравниться с водой? Волнуемые ветром волны, отражающие зеленое и голубое, – живая жизнь. Так думал я, когда плыл на простом деревянном паруснике по рябоватым просторам Онежского озера. Оно манило прозрачностью и глубиной.

Я вспомнил, что в старину воду считали целебной, очистительной силой. Когда при гадании девушки смотрелись в воду перед зеркалом, надеясь увидеть там суженого, то это был обычай спрашивать будущее у воды.

Озеро меняло краски. Сначала, когда едва вспыхнул рассвет, вода была холодной и неприветливой. Потом цвет озера стал оловянным. Когда же лучи солнца заиграли на парусе, вода повеяла свежестью, заколебалась, как будто в танце, стала теплой, манящей.

Я плыл в мир русской сказки – в древние Кижы. Те, кто не бывал там, думают, что Кижы – островок, который затерялся среди водных просторов. Однако знающие люди рассказывают, что на озере почти две тысячи островов. (166 слов)

(По Е. Осетрову)

21.

Затопив в землянке печурку, Поля сварила чай и, как только стемнело, легла спать. Первые полчаса было как-то тревожно и неуютно. Все казалось, что кто-то крадется к землянке. Вот-вот откроется дверь – и войдут чужие люди. Потом поднимала голову, прислушивалась. Оказывается, это похрустывало сено под ее телом. В конце концов Поля убедила себя, что тайга пустынна в зимнее время и ничто ей не грозит. Вся тревога от возбуждения и мнительности, и нечего всякими пустяками голову забивать. Она уснула крепко, проспав без сновидений всю ночь напролет.

С рассветом Поля, встав на лыжи, пошла дальше. Шла, как вчера, легко, излишне не торопилась, но и не мешкала зря на остановках. Посидит где-нибудь на валежнике, похрустит сухарями – и снова в путь.

Тайга лежала, закутанная в снега, притихшая, задумчивая. День выдался светлее вчерашнего. Несколько раз выглядывало солнышко, и тогда макушки деревьев со своими белыми пушистыми шапками становились золотистыми и светились, как горящие свечи. Виднее становились и затесы

на стволах, за которыми Поля следила в оба глаза, чтобы не сбиться с пути.
(167 слов)

(Г. Марков)

22.

В восемнадцать лет невозможно быть оседлым, и однажды ты вдруг почувствуешь неодолимое желание соприкоснуться с неизведанным, неизвестным.

Как прекрасно в вечерний час подняться по дрожащему корабельному трапу на празднично освещенную палубу и присоединиться к шумной толпе пассажиров, которые прощаются с землей и уходят в море, в какую-то новую, удивительную, ни с чем не сравнимую жизнь.

Когда пароход загудел трубным голосом и палуба стала содрогаться от работы упрятанных в трюме машин, закипела у бортов темная, с нефтяными оранжевыми пятнами, со световыми бликами вода, вдруг вздрогнул и, медленно разворачиваясь, стал отходить берег с темной толпой провожающих на причале. Поплыли, туманясь, портовые огни, убегая все дальше и дальше в глубь материка, желтея там, вдали, а веселые звезды стали приближаться, иные, казалось, висели прямо на реях, и их можно было, как бабочку, снять рукой.

И вдруг дохнуло свободой, соленой прохладой, и Черное море глянуло прямо в глаза.

Я расхаживал по нижней палубе среди поющих, кричащих, пляшущих пассажиров, гордых и печальных, неподвижно сидящих и вповалку храпящих прямо на палубе. Я был один из них в эту ночь, безвестной песчинкой, отправлявшейся в далекое и неизведанное плавание. (180 слов)

(По Б. Ямпольскому)

23. Воробей

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала подкрадываться, как бы зачюяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед ее мордой и с отчаянным и жалким писком прыгнул в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он кинулся спасать, он заслонил собой свое детище, но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голос одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке.

Мой Трезор остановился, попятился. Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса и удалился, благоговая.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь. (185 слов)

(По И.С. Тургеневу)

24. Дуб

Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, ехал опять в ту берёзовую рощу, в которой этот старый, корявый дуб так странно и памятно поразил его. Бубенчики ещё глуше звенели в лесу, чем полтора месяца тому назад; всё было полно, тенисто и густо, и молодые ели, рассыпанные по лесу, не нарушали общей красоты и, подделываясь под общий характер, нежно зеленели пушистыми молодыми побегами...

«Да, здесь, в этом лесу был этот дуб, с которым мы были согласны», – подумал князь Андрей. «Да где он?» – подумал опять князь Андрей, глядя на левую сторону дороги, и, сам того не зная, не узнавая его, любовался тем дубом, которого он искал. Старый дуб, весь преображённый, раскинувшись шатром сочной, тёмной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого недоверия и горя – ничего не было видно. Сквозь жёсткую, столетнюю кору пробились без сучков сочные молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвёл их. «Да, это тот самый дуб», — подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное, весеннее чувство радости и обновления. (165 слов)

(Л.Н. Толстой)

25. Сетон-Томпсон

В тридцатых годах на поросших можжевельником и соснами холмах, по соседству с индийскими хижинами, прославленный человек – писатель, художник, натуралист – строил себе жилище. Сам начертил план постройки, сам выбирал брёвна и камни, наравне с плотниками не выпускал из рук топора. Диковатое, неудобное место он выбрал, чтобы остаток дней прожить в природе, ещё не растоптанной человеком...

Дом вышел довольно обширный, похожий на азиатский – с плоской крышей и длинным, из необтёсанных брёвен крыльцом на сваях. Всё

привнесено сюда вкусом и образом жизни хозяина. Окно большое и рядом совсем крошечное, глядящее из каменной кладки, как амбразура. Крыльцо заставлено деревянными, индейской работы фигурками каких-то божков, пучеглазых людей и ярко-красных сердитых медведей.

Вот большая комната, полная книг и картин. Кресло возле стола с резным приветствием: «Добро пожаловать, мои друзья!» В этом кресле сидели гости: художники, писатели, учёные, приезжавшие сюда. Но чаще в креслах сидели индейцы. Они жили тут, на холмах, и двери дома были для них открыты в любые часы.

Письма индейцам и друзьям на Восток Сетон-Томпсон иногда не подписывал, а рисовал след волка – это и означало подпись. (172 слова)

(По В. Пескову)

26. Как работал Чехов

Жизнь Чехова подчинялась писательскому труду. Те, кто жили рядом с Чеховым, угадывали, что в нём всегда кипела внутренняя работа. Казалось, его органы чувств непрестанно закрепляли в памяти выражения, разговоры, краски, звуки, запахи.

Многое из подмеченного вокруг себя Чехов заносил в записную книжку, делал пометки дома, за обедом, ночью, на лодке, в поле. Когда этой книжки под рукой не оказывалось, он записывал на чём попало: на клочке бумаги, визитной карточке, на обороте адресованного ему письма.

Чехов говорил, что тема дается случаем. Это значило, что Чехов не выдумывал темы, сидя в кабинете за письменным столом. Но он и не ждал, когда случай придёт к нему. Писатель сам шёл навстречу случаю, искал его всегда, упорно выслеживая тему, как охотник выслеживает дичь.

Многое в жизни Чехова объяснялось поисками этих случаев: внезапные отлучки из дому, неожиданные отъезды, часы, проведённые в ночных чайных, больницах, гостиницах уездных городков, железнодорожных станциях. Строки из записных книжек превращались в наброски к будущим произведениям, потом в черновик, кругом покрытый исправлениями, вставками. Рукописи всех настоящих мастеров перечеркнуты вдоль и поперёк. Чехов хорошо знал, что писать просто труднее всего. (177 слов)

(По А. Роскину)

27. Около дома

Если утром вы проснётесь от странного стука в стекло и, приподнявшись, увидите синицу на подоконнике, не удивляйтесь – из леса пожаловал гость. Если вы хотите каждое утро просыпаться под колокольчик синицы (а это самый лучший из будильников), положите кусочек сала (обязательно несолёного) – постоянная дружба синиц, дятлов и поползней вам обеспечена.

Это соседство людям совсем не в тягость. Человеку легче живётся в холода и в ненастье, если рядом эти суетливые и доверчивые попрошайки. Всякое проявление жизни рядом питает душу...

Осенью около дома собирается немало живности. Ласточки перед отлётом, скворцы, до того как исчезнуть, обязательно посещают гнездо или родную скворечню – сидят, посвистывают. Не так, как весной, – тихо, задумчиво свистят, будто что-то вспоминают. Если у дома растёт рябина или калиновый куст – ожидайте дроздов, свиристелей, снегирей. И на земле приглядитесь: явились мыши, юркая ласка, охотница за мышами, ёж по ночам шуршит в саду листьями. А старые и надёжные наши друзья – синицы почти не отлучаются, весь день на виду. Услышишь их – и вздохнёшь глубже, и лишний раз улыбнёшься. (160 слов)

(По В. Пескову)

28.

Когда явились на место, где надобно было драться, Лермонтов, взяв в руку пистолет, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, даже огорчить, что все это была одна шутка и что, ежели Мартынова это обижает, он готов просить у него прощения... везде, где он захочет. «Стреляй! Стреляй!» – был ответ исступленного Мартынова.

Надлежало начинать Лермонтову. Он выстрелил в воздух, желая кончить глупую эту ссору дружелюбно. Не так великодушно думал Мартынов. Он был довольно бесчеловечен и злобен, чтобы подойти к самому противнику своему и выстрелить ему прямо в сердце. Удар был так силен и верен, что смерть была столь же скоропостижной, как выстрел. Несчастный Лермонтов испустил дух. Удивительно, что секунданты допустили Мартынову совершить этот зверский поступок. Он поступил против всех правил чести, благородства и справедливости. Ежели бы он хотел, чтобы дуэль совершилась, ему следовало сказать Лермонтову: «Извольте зарядить опять ваш пистолет. Я вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться вас убить». Так поступил бы благородный, храбрый офицер. Мартынов поступил как убийца. (166 слов)

(А. Булгаков, современник Лермонтова)

29.Лесное озеро

За придорожным кустарником поднимался смешанный лес. С левой стороны таинственно поблескивала чёрная вода. Мы ждали только тропинки, чтобы устремиться по ней в глубину леса и узнать, что там. И вот тропинка попалась.

Не успели мы сделать по ней двухсот шагов, как залиvistое злое тьякваньё собачонки остановило нас. Невдалеке стояла изба лесника.

Лесник пригласил нас в дом и хотел распорядиться насчёт стола. Но мы сказали, что нам ничего не нужно и что мы свернули с большой дороги единственно затем, чтобы узнать, что за вода блестит между деревьями.

Вода началась шагах в пятидесяти от порога, но гораздо ниже его, так как дом стоял на бугре. Узкая лодка, на которую мы сели, была настолько лёгкая, что под тяжестью четырёх человек погрузилась в воду по самые края. Необыкновенной красоты озеро окружило нас. Тёмно-зелёные дубы и липы, которыми заросли озёрные берега, четко отражались в неподвижной воде. Редкие и ясные, словно звёзды, покоились на воде цветы белых лилий. Так резко оттенялся каждый цветок чернотой озёрного зеркала, что мы замечали его обыкновенно за двести-триста метров. (170 слов)

(По В. Солоухину)

30.

Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другой гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя крутые отголоски гор, покрытые девственными лесами.

Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня. Тихо было на небе и на земле, только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем.

Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге на Гуд-гору; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил. Казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу. Снег хрустел под ногами; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно прилиwała в голову. (176 слов)

(По М. Лермонтову)

31. Тёплый вечер

Тёплый безветренный день угас. Только далеко на горизонте, где зашло солнце, небо ещё рдело багровыми полосами, точно оно было вымазано широкими ударами огромной кисти, омоченной в кровь. На этом странном и грозном фоне зубчатая стена хвойного бора отчетливо рисовалась грубым, тёмным силуэтом. А кое-где торчавшие над ней прозрачные круглые

верхушки голых берёз, казалось, были нарисованы на небе легкими штрихами нежной зеленоватой туши. Чуть-чуть выше розовый отблеск гаснущего заката незаметно для глаз переходил в слабый оттенок выцветшей бирюзы...

Воздух уже потемнел, и в нём выделялся ствол каждого дерева. Слышалось иногда, как густым басом гудит, пролетая где-то очень близко, невидимый жук и как он, сухо шлёпнувшись о какое-то препятствие, сразу замолкает. Кое-где сквозь чащу деревьев мелькали серебряные нити лесных ручейков и болот. Лягушки заливались в них своим торопливым, оглушительным криком; жабы вторили им более редким, мелодическим уханьем. Иногда над головой пролетала с пугливым криканьем утка да слышно было, как с громким и коротким блянием перелетает с места на место бекас-баранчик. (177 слов)

(По А. Куприну)

32. Мир природы

Человек обедняет свою духовную жизнь, если он высокомерно смотрит сверху вниз на всё живое и неживое, не наделённое его, человеческим, разумом. Ведь жизнь людей, какой бы сложной она ни была, как бы далеко ни простиралась наша власть над окружающим миром, – всего лишь частица жизни природы. Ведь то, что мы о ней знаем сегодня, так мало по сравнению с тем таинственным, удивительным и прекрасным, что нам предстоит ещё о ней узнать.

Может быть, узнать именно сегодня, когда человеку важно связать в своем сознании новейшие данные об элементарных частицах, о «чёрных дырах» Вселенной с белоснежностью ромашек на лесных полянах, с роскошными, пульсирующими созвездиями над головой, где-нибудь посреди бескрайней степи.

Нам по-прежнему интересны повадки зверей и птиц – диковинных заморских и наших, знакомых с детства. Нам интересно многое: почему такой дремучий зверь, как медведь, легко поддаётся дрессировке; не угрожает ли серому волку занесение в Красную книгу (туда ученые заносят животных, которым грозит исчезновение с лица планеты); как быстро растут кристаллы горного хрусталя и почему считается целебным лист обыкновенного подорожника. (169 слов)

(По И. Акимовскому)

33. Родное, заветное

Прошумев обильным ливнем, отсверкав молниями, свалилась в леса грозная туча. Там ещё погромыхивает, продолжает сеять дождь, короткий,

летний. Вокруг посветлело, брызнули солнечные лучи вслед туче, и в полнеба стала над лесами семицветная радуга.

Для меня с детства несёт она две загадки. Во-первых, откуда пошло это слово – от дуги или от радости? Во-вторых, где и как можно найти её подножие?

По старинному поверью, там, у подножия радуги, зарыты клады несметных сокровищ. Не потому ли так ярко переливается она? Не потому ли только улыбку способна вызвать? Думалось, какое же это счастье – побывать у заветного подножия! Только ни в какие времена не было человека, побывавшего там.

С годами многое меняется. Я давно не ищу подножия радуги. Я твердо знаю, что опирается радуга на родную землю, богатую несметными сокровищами. Потому-то и ярки её переливы, потому-то и звучит в самом её названии отголосок радости.

Многое меняется, а радуга остаётся неизменной. И не тускнеет. Так же прекрасна, как в годы детства. В этом и счастье. (160 слов)

(По Ф. Поленову)

34.

Ночью туман сгустился так, что в десяти шагах ничего не было видно, словно все потонуло в молоке. Судно остановилось у большого ледяного поля, и все, кроме вахтенных спокойно спали.

Утром туман начал слегка расползаться. Он постепенно исчезал, уносимый на юг, и ледяные поля зашуршали и тоже пришли в движение. Впереди открылся свободный проход, и судно поплыло на северо-восток, но медленно, чтобы не столкнуться с льдинами и чтобы вовремя остановиться или повернуть в сторону. Солнце, которое светило с полудня, хотя и с перерывами, к вечеру скрылось в пелене тумана, надвинувшегося на корабль.

Эта ночь была менее спокойной, чем предыдущая: дул легкий ветер, ледяные поля задвигались, напирая друг на друга, трещали и ломались.

Клубившийся туман не позволял различать путь, и приходилось быть настороже, чтобы не оказаться зажатыми льдинами.

День тоже прошел в большом напряжении: утром усилился ветер и туман разогнало, однако льды пришли в движение. К счастью, окраины ледяных полей были сильно поломаны, айсберги отсутствовали, и только иногда гряды мелкого льда, нагроможденные местами на полях, представляли серьезную опасность. (167 слов)

(По В. Обручеву)

35.

Историзмы – слова и словосочетания, которые обозначали существовавшие когда-то предметы и явления реальной жизни. Например:

крепостной, смерд, юнкер и другие. Ушли в прошлое предметы – вышли из употребления слова.

Изменения в общественной жизни выводят из активного словарного запаса множество слов, но они вспоминаются тут же, как только мы заглядываем в прошлое. Поэтому без историзмов не обойтись в трудах по истории: далеко не все в прошлом может быть названо сегодняшними словами. Так, бояре как сословие ушли в историю, и в этой самой истории их можно назвать только этим словом.

Вспоминаются историзмы, естественно, и в художественной литературе, когда она обращается к истории. Заменять их современными словами просто безграмотно. Так, стрельца сегодня мы не назовем солдатом, оброк – налогом, квартального – участковым.

Историзмы, в отличие от архаизмов, не имеют синонимов. У архаизмов же всегда есть вполне современно звучащие синонимы: ветрило – парус, ланиты – щеки. Архаизмы, являясь синонимами общеупотребительных слов, выражают, как это характерно для синонимов, разнообразные дополнительные оттенки. Они служат для создания колорита эпохи, для характеристики персонажа, используются как стилистическое средство в публицистике. (165 слов)

(По П. Клубкову)

36.

Среди множества существующих в природе диких трав крапиву мы запоминаем на всю жизнь с первого же прикосновения к ее листьям, обжигающим кожу. Мы считаем ее сорняком, буйные заросли которого приходится каждый год истреблять. Между тем это растение издавна служило человеку: из ее длинных лубяных волокон когда-то выработывали бумагу, плели канаты и рыболовные снасти.

Крапива – ценное растение. В народной медицине используют изготовленный из нее настой, который улучшает состав крови; отваром из корней полощут рот, чтобы укрепить десны; его втирают в голову от выпадения волос.

Собирать крапиву для лечебных целей рекомендуется во время ее цветения: в этот период в растении накапливается наибольшее количество биологически активных веществ. Весной, когда запасы витаминов в организме иссякают, полезны салаты из нежных верхушек крапивы. Их предварительно промывают под струей горячей воды, затем растирают пальцами, чтобы избавиться от жгучих иголок.

Крапиву можно заготавливать на зиму, для чего ее высушивают в тени и растирают в порошок, который потом добавляют в пищу. Еще один полезный совет: хотите сохранить в жаркий летний день мясо или рыбу – плотно обложите их листьями крапивы. (172 слова)

(По материалам журнала)

37.

Наш грач жил на свободе, разгуливая возле дачи. Его проделкам не было конца. Из дома он таскал все, что мог унести: наперстки, ножницы, мелкие инструменты, хотя прекрасно знал, что воровать нельзя.

Он проказничал, когда его никто не видел, и всегда, недовольно каркнув, поспешно улетал, если его заставляли на месте преступления. Отлетев на безопасное расстояние, он издали наблюдал, какое впечатление производило его озорство.

Грач особенно внимательно следил за работой жены художника, которая увлекалась садоводством и много работала в саду. Если производилась прививка растений и место прививки заматывалось изоляционной лентой, он разматывал ее и, довольный, торопливо удалялся.

Но, несмотря ни на что, его нельзя было не любить: он сопровождал, перелетая с ветки на ветку, хозяев, если они уходили на прогулки, летал над лодкой, если они катались по реке. Он никогда не пропускал обеденное время, терпеливо ожидая, когда ему дадут что-нибудь вкусненькое, и если был сыт, то лакомые кусочки прятал про запас: засовывал в башмаки, под шкаф или в другие укромные местечки. Наевшись, грач садился кому-нибудь на плечо или на голову, пытаясь при этом тщательно вытереть клюв о волосы. (176 слов)

(По А. Комарову)

38.

Если вы постоянно работаете за своим столом в кабинете, у вас создается свой порядок, к которому вы привыкаете. Вы знаете, где и какая книга лежит у вас на столе и где лежит ручка, карандаш. Протянете руку – и берете то, что нужно. Это ваш порядок, и его менять нельзя.

Вот тут-то и появляется сорока. Кому довелось у себя в доме держать ручную сороку, тот знает, что это такое...

Сорока-белобока очень красивая птица: хвост у нее отликает красноватым и зеленоватым металлическим блеском, голова угольно-черная, на боках белые пятна. Она отличается веселым характером, однако у нее две примечательные способности: она прелюбопытна и у нее неодолимая страсть к накоплению богатств.

Всякая вещь, в особенности блестящая, привлекает ее внимание, и она стремится припрятать ее куда-нибудь подальше. Все: чайную ложку, серебряное колечко, пуговицу – она мгновенно хватает и, несмотря на крики, улетает, старательно пряча украденное где-нибудь.

Наша сорока любила припрятывать вещи, чтобы они не попадались на глаза. Она, по-видимому, считала, что хорошо припрятанная вещь проживет дольше, и поэтому в доме время от времени что-нибудь пропадало. (168 слов)

(По А. Комарову)

39.

Когда ледяным панцирем покрываются реки и озера, улетают последние стаи птиц. Осенние перелеты совершаются неторопливо. Создается впечатление, что птицы не спешат покидать родные места, надолго задерживаясь там, где много корма. Весной же они летят без остановок, словно боясь опоздать к началу лета.

Перелеты птиц вызывали удивление еще у древних народов. Они не знали, куда и зачем предпринимают птицы такие рискованные путешествия. Многие в птичьих полетах до сих пор остается ученым недостаточно ясным.

Осенний перелет кажется оправданным: с наступлением зимы птицы не могут из-под снега добывать пропитание. Зимой на севере голодно: попрятались насекомые, запасы лесных ягод не безграничны. Правда, многие пернатые живут здесь, никуда не улетаю, и даже в лютые морозы не выглядят несчастными. Видимо, кое-какие птицы могли бы приспособиться к нашим условиям.

Считается, что родина наших перелетных птиц – север. Трудно сказать, что привлекает их здесь. Возможно, обилие сезонного корма, который позволяет кормить птенцов в течение всего длинного светового дня. Вероятно, птицы в период размножения нуждаются в спокойной обстановке, и небольшая заселенность наших северных тундр, лесов, где нет такой суматохи, как в Африке, создает им эти условия. (176 слов)

(Из журнала «Юный натуралист»)

40.

Зима, продвигаясь с севера, захватывала новые пространства. Все: дороги и села, леса и степи – засыпали глубокие снега.

Вьюжными ночами, когда лесные гиганты стонут, трещат и охают, когда небо сливается с землей и неистово бухают подземные колокола, все живое старается укрыться в затишье: в домах, где весело трепещет огонь в печке, в норах и обжитых гнездах, а то и просто под раскидистой елью, между ее нижними лапами и землей, еще пахнувшей занесенными сюда осенью листьями. Снег толстым слоем покрывает еловые лапы, однако между ними и землей – свободное пространство, где в солнечный день светло. Блеснет луч солнца – рдьяно вспыхнет случайно оказавшаяся там ягодка костяники на высоком стебле.

Такое убежище надежно от любой непогоды. Забьется сюда заяц-русак, или тетерев, или хитрая лисица, или другая живность и замрет, затаится, затем задремлет под вой метели. В такое время начинают бродить и жить в человеке неведомые силы, расцветают причудливо-призрачные сны. И нельзя разобраться, где в них кончается понятное и начинается то, чему нет объяснения и что приходит в шорохах и свете звезд. (167 слов)

(По П. Проскурину)